

Публикация полной рукописи С. А. Нилуса

БЛИЗ ЕСТЬ ПРИ ДВЕРЕХ

Мф. 24, 33

Мк. 13, 29

Лк. 21, 31

Откр. 1, 3; 22, 10

Дан. 12, 4

*О том, чему не желают верить
и что так близко*

**Издание 5,
переделанное и значительно дополненное
позднейшими исследованиями и наблюдениями автора**

*Публикация
Александра Стрижева*

Рис. 1.
Колесница Гермеса.
Седьмой ключ Таро

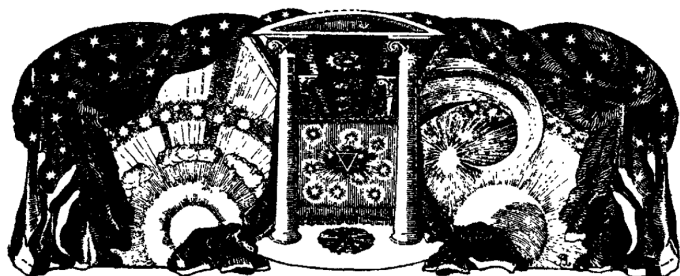

Рис. 2

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящая книга является пятым изданием второй части моей книги «Великое в малом». Эта часть носила особое название: «Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле». Значительно переработанная, дополненная и иллюстрированная, она теперь представляет собою достаточно самостоятельное целое, чтобы быть выпущенной в свет отдельным изданием. Отнюдь не претендуя на ученость и оригинальность, пользуясь изысканиями и трудом иных исследователей затронутого вопроса, в связи с впечатлениями и наблюдениями лично моими, как рядового христианина, книга моя, тем не менее, есть крик *моего* сердца, обращаемый к сердцу всех тех, кто, удручаемый совершающимися ныне на его глазах событиями, стремится найти им посильное разъяснение, уразуметь духовный смысл и значение разыгрывающейся мировой катастрофы.

Вот к сердцу и уму таких людей и обращаю я книгой этой мое слово.

В 1882-м году, год спустя после безумно-кровавого злодеяния, жертвою которого пал человеколюбивейший Государь Александр II, и за год до Священно-го коронования Александра III, я был в Киеве. Стояли чудные сентябрьские дни, на которые так щедра бывает иногда наша южно-русская осень. Уличная киевская жизнь кипела и была ключом: весь Киев, казалось, от мала и до велика жил на улице; особенно Крещатик бурлил и шумел веселой, оживленной и впечатлительной толпой, той южной толпой, какой обычно не встретишь на городских улицах нашего севера; под жарким солнцем юга рождаются, растут и созревают характеры совсем иного типа, чем те, которыми дарит нас наше тусклое, бледно-туманное, холодное небо.

В те дни я был христианином только по имени и только по метрическому свидетельству числился православным; довольно сказать, что, прожив тогда в колыбели Православия — Киеве два с половиною месяца, я за все время своего пребывания в такой близости от благоухания Лаврской святыни ни разу не был не только в Лавре, но даже и в церкви. И тем не менее я именно в Киеве и в те самые дни получил впечатление от одного события, которое особенно врезалось мне в памяти и которому вскоре суждено было стать предметом моего размышления, но уже не с обыденно-мирской точки зрения, а с христианско-эсхатологической.

Событие это было — комета, блестящая, яркая, огромная, прорезавшая своим хвостом около трети видимого юго-западного неба и как-то внезапно поя-

вившаяся на киевском горизонте. Теплыми и темными осенними ночами весь Киев собирался к памятнику Св. Владимира наблюдать это таинственно-грозное небесное явление. От этого памятника оно особенно хорошо было видно во всей своей ослепительно-величавой устрашающей красоте.

Поистине величественное и жуткое было это зрелище!..

Но скоро у пылких южан прошло увлечение блестящей гостьей киевского неба, прошло так же скоро, как и возникло, — и садик, разбитый у ног Св. Владимира, опустел настолько, что в разгар наибольшего расцвета этой небесной красоты почти все скамейки его были пусты: две-три темные фигуры мечтателей да я четвертый — вот и все, кто из всего многолюдного Киева по тускло-освещенному садику в заветный час наблюдений пробирался к подножию Равноапостольного просветителя Земли сятोरусской.

Сколько долгих лет прошло уже с тех дней, а грозное небесное явление еще и доселе стоит перед моими глазами, нечто стихийное и страшное знаменующая, что-то великое и, как смерть, неотразимое предвозвещающая.

И тогда, в те памятные для меня киевские дни, комета эта не казалась мне случайным простым астрономическим явлением, без влияния на жизнь не только планеты нашей, но и духа населяющего его человечества: история моей Родины, как и мировая история; особенно же память великих и страшных дней нашего Наполеона¹, напоминали мне, что не напрасно и

¹ Комета 1812-го года известна в анналах астрономии.

не без основания человеческое сердце с незапамятных времен привыкло соединять с появлением на небе хвостатого знамения тяжкие предчувствия неведомых, но неизбежных, как перст судьбы, угроз, сокрытых в таинственной тьме грядущего. Конечно, человеку такого настроения, каким я был тогда, и в голову не могло еще прийти при наблюдении над дивным небесным знамением, что оно может иметь то или другое прикровенное значение для грядущих судеб царств земных и Церкви Христовой, на земле воинствующей, но, тем не менее, сердце мое, помню, уже и тогда исполнилось тревожного ожидания чего-то страшного, что грозящим призраком неминуемых скорбей и бед, неясно для меня восставало в туманной дали будущего моей Родины¹.

Наступившее вслед за тем исполненное величия, мира и безмятежия царствование великого миротворца и самодержца Александра III не оправдало, казалось, моих предчувствий: Россия достигла в его дни такой силы и славы, пред которой померкла вся слава остального мира. Слово державного отца и властителя православных миллионов заставляло подчиняться ему всё, что могло быть втайне враждебно России, а явно враждовавшего на Россию и на Царя ее не было: оно исчезло, скрылось в подполье глубин сатанинских и на свет Божий показываться не дерзало.

¹ Над Иерусалимом, перед его разрушением, в течение целого года горела на небе страшная комета в виде серпа, наводившая своим видом ужас на все население. Перед началом европейских военных бедствий (Триполитанской, Балканской и Европейской войн) явилась в 1910-м году комета Галей.

Люди, имеющие досуг, могут сколько угодно спорить и препираться между собою о значении для России этого великого царствования; для нас, православно-верующих верноподанных нашего Царя, плоды этого царствования были налицо: Россия и Помазанник Божий, ее Царь-Миротворец были для мира частью того целого, что Св. апостолом Павлом именовано словом «Держай»¹ — «удерживающий», тем державным началом, которое есть дар Духа Святаго, даруемый при помазании на Царство, и которое в своей властной деснице содержало в повиновении и страхе все политические стихии мира, со времен французской революции обнаружившие явную склонность к анархии, то есть к безначалию.

И Россия это чувствовала и инстинктивно понимала; неложный и неподкупный свидетель тому — собор Св. апостолов Петра и Павла, скрывший под своими плитами останки Великодержавного: из серебра всенародной слезы безутешной скорби слилось всё то бесчисленное множество серебряных венков, которым народное горе оковало не только гробницу его, но и всю усыпальницу Царей наших в твердыне Петропавловского собора. Не было в России ни одного сколько-нибудь значительного местечка, общества или даже простого содружества, которое бы не прислало на гроб Великому Государю знака своей скорби об утрате того, в ком всё, что было истинным сердцем России, нелицемерным носителем и исповедником ее Триединого на-

¹ 2 Сол. II, 7.

чала¹, привыкло видеть опору свою и надежду, вопло-
тившего в одном своем лице весь богатырский эпос
Святой Руси.

Скорбь об усопшем Царе была истинно всенарод-
ною скорбью: Россия дрогнула и застонала как бы в
предчувствии чего-то неотвратимо-грозного, что мог-
ла бы остановить державная рука только того, кото-
рый был и которого не стало.

Вострепетало тогда вновь и мое сердце, и снова пе-
режило всё то, что, как смутную и неотвратимую угро-
зу, переживало оно в памятные темные южные ночи у
подножия Владимира Святого, при бледном и странном
свете таинственной и жуткой гостии земного неба.

Не убоялось ли сердце страха, где не было
страха?

И вспомнилось мне тогда же, что в том же Кие-
ве, вскоре после появления кометы², на улицах киев-
ского «гетто», в местах наибольшего скопления жи-
телей черты еврейской оседлости, появился какой-то
странный юноша, мальчик лет пятнадцати. Юноша
этот, как бы одержимый какою-то нездешней силой,
бродил по улицам еврейским и вещал Израилю:

— Великий пророк родился Израилю, мессия
явился народу Божию!

И за юношей тем неудержимой волной устрем-
лялся поток еврейский, и из уст в уста с восторгом
и священным трепетом исполненного многовекового
желания и ожидания передавались слова:

¹ Вера. Царь. Отечество.

² Точного года не упомяну: кажется, в период времени меж-
ду 1888—1890-м гг.

— Явился мессия! родился мессия! Бог посетил вновь чад Своих в рассеянии.

Об этом, всякого внимания достойном, событии писали и в газетах... там где-то, на задних страницах. Но кто прочел это, и кому было до этого дело? У міра и людей міра столько было и есть других «более важных» забот и интересов, что не стоило им отдавать своего внимания какому-то сумасшедшему киевскому мальчишке-жиденку и суеверной и невежественной толпе каких-то грязных жидов, чающих какого-то мессии.

Но я обратил внимание, запомнил и почему-то связал и юношу-еврея, возвещавшего рождение Израилю мессии, и киевскую комету, и свои жуткие предчувствия в одно неразрывное целое, и впервые в сердце моем, во всем духовном существе моем высеклись и огненными буквами зажглись страшные слова:

Антихрист близко, при дверях.

Почему совершилось это во мне тогда, когда я в те дни по воспитанию своему был питомцем либеральных веяний шестидесятых годов и жил в отчуждении от матери моей Церкви, от великих и святых идеалов моего народа, — это для меня тогда было тайной, теперь которой просится под перо мое только одно объяснение: «Бог идеже хоцет, побеждается естества чин».

Непонятное тогда стало ясным теперь, когда в исканиях истины я обратился к Христовой Православной Церкви: от нее, от духа ее я получил возрождение в новую жизнь, от нее приобрел разу-

мение земного и горнего в тех пределах, которые доступны ограниченному уму человеческому, и моему в частности. Тайна за тайной стала открываться моей немощи, в которой совершалась великая сила Божия, и только силою этою великою я и познал и тайну своего предчувствия и того, что мир и вся яже в мире — бывшее, настоящее и будущее — могут быть уяснены, постигнуты и усвоены во всей своей сущности только при свете Божественного Откровения и тех смиренномудрых и великих, кто жизнь свою посвятил на служение Богу в духе и истине, в преподобии и правде. И вот из этого чистейшего источника я узнал впервые и убедился, что на теперешней земле нет и не может быть абсолютной правды, что была однажды на земле такая правда, но что Тот, в Ком жила эта правда, Кто Сам был и Истина и Жизнь, Тот был распят на кресте; что мир во зле лежит, что он и все дела его осуждены огню; что будут некогда новое небо и новая земля, где будет обитать правда, но что пред водворением этого Царства правды под новым небом и на новой земле должен явиться заклятый враг истины, антихрист, который евреями будет принят как мессия, а миром — как владыка и обладатель вселенной. А затем перед моими духовными очами, просветленными учением Церкви и ее святых, стали открываться картины прошедшего, настоящего и даже будущего в такой яркости и силе освещения внутреннего смысла и значения исторических и современных мировых событий, что перед их светом потускнела и померкла вся мудрость века сего, ясно открывшая-